

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИМ. А. А. ПОТЕБНИ АН УССР

9, 10 и 13 марта 1954 г. на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР состоялось обсуждение новой работы члена-корр. АН СССР, действительного члена АН УССР Л. А. Булаховского «Вопросы происхождения украинского языка».

В обсуждении, кроме научных сотрудников Института языкознания, приняли участие представители Института истории АН УССР, Института литературы АН УССР, кафедр языкознания Киевского университета и Киевского педагогического института, работники издательств г. Киева и др.

Открывая заседание, заместитель директора Института языкознания АН УССР доктор филол. наук И. К. Б е л о д е д указал, что в обсуждаемой работе история украинского языка освещена в неразрывной связи с историей украинского народа; в работе отображены процессы, совершившиеся в украинском языке как в далеком прошлом, так и в новый период его развития, причем автор работы подверг критическому анализу отечественную и иностранную научную литературу вопроса почти за сто лет. Критические замечания, сказал докладчик, которые будут сделаны при обсуждении книги, должны помочь автору работы исправить возможные недостатки и обеспечить ее издание в 1954 году.

Л. А. Бу л а х о в с к и й познакомил присутствующих с планом монографии, в которой имеются следующие основные разделы: 1) Постановка вопроса; 2) Происхождение современного украинского литературного языка. Особенности развития литературного языка в Западной Украине; 3) Письменный украинский язык XIV—XVIII вв.; 4) Фонетические южнорусизмы в старорусских памятниках; 5) Морфологические и синтаксические южнорусизмы в старорусских памятниках; 6) Вопрос о старорусской лексике и элементы в ней будущего украинского языка; 7) Гипотеза Погодина и ее критика; 8) Вопрос о положении украинского языка среди других славянских языков и выделение его из восточнославянского единства; 9) Вопрос о существовании в украинском языке черт переходности к другим славянским языкам, кроме восточных; 10) Вопрос о значении археологических данных; 11) Заключение. Общность происхождения восточных славян. Краткие выводы.

Все выступавшие отмечали положительные стороны обсуждаемой монографии, в которой представлены критическая переработка и научный синтез многочисленных предшествующих трудов, посвящавшихся отдельным вопросам исследуемой проблемы, а также проведено дополнительное исследование материала самим автором монографии, осветившим сложный комплекс вопросов, касающихся происхождения и развития, с одной стороны, литературного языка украинского народа, а с другой, — общенародного украинского языка в его разговорном типе.

Применяя сравнительно-исторический метод исследования, Л. А. Булаховский раскрывает те глубокие связи, которые имелись между украинским и русским языком на всех этапах их развития. Поэтому его труд является серьезным источником для всех работающих в области истории украинского языка и сыграет значительную роль в практике преподавания истории украинского языка в высшей школе.

Поставленные в монографии вопросы решаются на основе положений И. В. Сталина об историческом развитии языка, о связи истории языка с историей общества.

Выступавшие высказали критические замечания по поводу некоторых положений работы, указали на ряд моментов, требующих уточнения, дополнительного аргументирования и т. д.

Ст. науч. сотрудники Института языкознания П. И. Горецкий, А. С. Мельничук, Ф. Т. Жилко, С. Ф. Левченко, М. Ф. Бойко, доцент Киевского университета П. П. Плющ, ст. науч. сотр. Института истории К. Г. Гуслистый, опираясь на новые данные исторической науки, оспаривали утверждение Л. А. Булаховского о том, что процесс формирования украинской нации и национального языка происходил позже, чем формирование русской нации и языка (в конце XVIII и в начале XIX в.). Выступавшие подчер-

квалили одновременность процесса формирования украинской и русской наций, завершившегося в обоих случаях в основном во второй половине XIX в., после ликвидации крепостного права.

Канд. филол. наук П. И. Горецкий обратил внимание на то, что в рецензируемой работе не освещены надлежащим образом взгляды М. А. Максимовича, А. А. Потемни и А. Е. Крымского на старорусский язык. Он же возражал против положения Л. А. Булаховского о том, что «в качестве образца нашел применение (в Литовском княжестве) активный язык, созданный в Галиции». Правильнее было бы говорить о «встрече» в XIV в. двух литературных языков (в частности, активных языков): выработанного в белорусских землях, которые были захвачены Литвой еще в XIII в., и созданного в Галиции, вернее — в юго-западных землях, среди которых в XIII—XIV вв. особенно выделялось своим экономическим, культурным, а также политическим положением Галицко-Волынское княжество.

П. И. Горецкий отметил далее, что, анализируя лексический состав произведений И. П. Котляревского, Л. А. Булаховский считает диалектизмами слова, имеющие сравнительно широкое применение в произведениях украинских писателей (например, *бабинець, кабця, гедзатися, таранкуватий*). Это же замечание касается и определения некоторых слов лексики произведений Т. Г. Шевченко. Так, к диалектизмам отнесены слова *бурто* (*бурт*), *зайшати*, а некоторые безусловные диалектизмы, употребляемые Т. Г. Шевченко (*богила, затого, файда* и др.), не отмечены.

Канд. филол. наук А. С. Мельничук отметил, что аргументы, приведенные автором монографии в подтверждение предположения о пережитом в свое время предками украинского и белорусского народов периоде языкового единства, не во всем убедительны. Не затрагивая вопроса об исторических условиях этого предполагаемого единства, Л. А. Булаховский выделил несколько фонетических черт, общих для украинского и белорусского языков [рефлексия *ъ, ь* в виде *и (ы)* в группах * *trъt, *trъt, *tlyt, *tlyt* в определенных условиях; переход групп *ъl* и *ьl* между согласными в *оу*; удлинение согласных перед бывшим сочетанием «*ьj* + гласный» после падения *ь*; отпадение безударного *и* в начале слова; совпадение в одном предлоге *а (ia)* предлогов *с(ѣ)* и *и(ъ)*; произношение *h*, а не *g*; рефлексия напряженных глухих гласных перед *j* в виде *и (ы)* в открытых слогах], и сделал вывод, что «относительная близость этой связи, независимо от времени, когда именно она установилась, существовала, вероятно, еще даже в XIII в.». А. С. Мельничук, оспаривая, в частности, утверждение Л. А. Булаховского о древности перехода *ъl* и *ьl* перед согласными в *оу* (по мнению Л. А. Булаховского, этот процесс имел место до падения глухих), считает, что из всех указанных автором черт, общих для украинского и белорусского языков, только *и (ы)* на месте напряженных глухих; *ри, ли* на месте *ръ, лъ*; *h* вместо *g* существовали еще до XIII в., причем две первые черты являются лишь остатками старины, а не общими для украинского и белорусского языков изменениями. Поэтому вся совокупность приведенных автором черт не может служить прямым доказательством существования особой, не распространявшейся на остальные восточнославянские говоры общности говоров-предков украинского и белорусского языков до XIII в. включительно. Приводимые черты могут быть объяснены на основе того, что данные языки образовались из близко родственных, непосредственно смежных племенных и территориальных диалектов, а затем вскоре после своего выделения (XIII—XIV вв.) снова вступили в тесный и длительный контакт.

А. С. Мельничук считает слишком осторожным высказывание Л. А. Булаховского, будто написания типа *просыти, назарянынъ, седмыжды* вплоть до XIV в. можно и не считать отражением действительного совпадения *и* и *ы* в живом языке южнорусского населения; приведение данного фонетического изменения в хронологическую связь с изменением *ъ > i* дает значительно больше уверенности в этом отношении.

А. С. Мельничук выразил сомнение по поводу предположения о том, что «закон удлинения *о* в закрытых слогах и изменения *о* в направлении к закрытым гласным звукам прекратил свое действие еще до перехода ера (*ъ*) в *о*». Поскольку и процесс вокализации сильного *ъ* в *о*, и процесс удлинения и дифтонгизации старого *о* в позиции перед слогом со слабым *ъ* были вызваны одной и той же причиной и заключались в количественной и динамической компенсации звуковой утраты в следующем слоге, то наиболее естественным является предположение о том, что эти процессы связаны между собой и происходили приблизительно одновременно. Факт отличия рефлексов старого *о* в новообразованном закрытом слоге от гласного *о* из *ъ* вовсе не свидетельствует о том, что оба гласных изменялись в разное время, так как, начавшись приблизительно одновременно с началом удлинения *о*, переход сильного *ъ* в *о* мог окончиться не раньше, чем на стадии удлинения старого *о*. По мнению А. С. Мельничука, такая хронологизация более правильна и подтверждается данными памятников, в которых переход *ъ* в *о* отражается уже в 1164 г. (Добриволю еванг.), а удлинение старого *о* — лишь в 1266 г. (Галицкое еванг.).

Канд. филол. наук Ф. Т. Жук указал, что, рассматривая вопрос происхождения и развития украинского литературного языка XVI—XVIII вв., Л. А. Булахов-

ский подчеркивает значение «живой народной почвы», а при рассмотрении вопроса о возникновении современного украинского литературного языка упускает из поля зрения фольклорные в отношении языка основы некоторых его жанров.

Считая, что языковые средства бурлескного жанра «Энеиды» И. П. Котляревского не могли быть основанием для будущей литературы многомиллионного народа Л. А. Булаховский не учел, что в «Энеиде» представлены не только языковые и стилистические средства бурлескного жанра (хотя он и является ведущим), но и языковая струя устного народного творчества (песни, пословицы и т. д.), которая особенно ярко проявляется в драматических произведениях И. П. Котляревского. Л. А. Булаховский обходит молчанием вопрос о фольклорной основе языка Т. Г. Шевченко, а подчеркивает лишь собственные ему южнокиевские диалектные черты.

Отметив широкое использование в работе лингвистических данных, почерпнутых из письменных источников, Ф. Т. Жилко указал на недостаточное привлечение данных живого языка украинского народа, подчеркнув, однако, что это обусловлено отсутствием обобщающих работ по украинской диалектологии, в частности, по лингвистической географии. По мнению Ф. Т. Жилко, полтавско-киевский диалект нельзя отождествлять с юго-восточным наречием, как это отчасти намечается в работе, потому что территория полтавско-киевского диалекта значительно уже: она охватывает только среднее Поднепровье. Ф. Т. Жилко указал также на неточность в определении некоторых морфологических черт полтавско-киевского диалекта.

Утверждение Л. А. Булаховского о том, что Т. Г. Шевченко якобы воспринял из северных говоров такую фонетическую черту, как сохранение *o*, *e* в исторически новых закрытых (неударных) слогах, вызвало возражения Ф. Т. Жилко. Эта черта наблюдается во многих говорах Правобережной и особенно Левобережной Украины, и в языке Т. Г. Шевченко она отражает не заимствование из северных говоров, а особенность родных ему говоров южной Киевщины.

Для полноты характеристики украинского литературного языка Ф. Т. Жилко считает необходимым осветить вопрос об особенностях закарпатской традиции украинского литературного языка (тем более, что она существовала продолжительное время), показать, в частности, выпадение этой областной традиции литературного языка из общего русла развития украинского литературного языка.

Канд. филол. наук С. Ф. Левченко отметил, что в фактическом материале, которым оперирует Л. А. Булаховский, преобладают данные фонетики, а грамматическая структура и лексический состав украинского языка представлены значительно меньше, вследствие чего создается впечатление некоторой диспропорции материала. В разделе «О положении украинского языка среди других славянских языков» разработку материала желательнее было бы теснее увязать с положением И. В. Сталина о связи истории языка с историей народа, шире осветить процессы интеграции и дифференциации в развитии украинского языка. По мнению С. Ф. Левченко, необходимо больше заострить критику взглядов С. Смаль-Стоцкого, Т. Гартнера, Е. Тимченко и др. С. Ф. Левченко сделал также несколько замечаний, касающихся архитектоники работы, в частности, указал на громоздкие отступления, нарушающие иногда цельность изложения.

Канд. филол. наук М. Ф. Бойко, посвятив свое выступление, в основном, вопросу формирования украинской нации, указала на необходимость уделить больше внимания языковой практике таких украинских писателей XIX в., как Гулак-Артемовский, Квитка-Основьяненко, Гребенка, Шашкевич.

Доцент Киевского государственного университета П. П. Плющ отметил, что в труде Л. А. Булаховского имеется много такого материала и таких рассуждений и тем, которые могли бы стать основой для ряда новых книг, читателя же обсуждаемой работы они лишь отвлекают от основного материала. По мнению П. П. Плюща, не все выводы, касающиеся происхождения украинского языка, в работе достаточно обоснованы. В частности, важно было бы расчленить вопрос о происхождении живого разговорного украинского языка и о возникновении литературного языка. П. П. Плющ считает неполной характеристику книжного украинского языка XVII—XVIII вв. Указав, что этот язык представлял собой смесь церковнославянских, украинских и белорусских элементов, Л. А. Булаховский мало говорит о наличии в нем лексических, фонетико-морфологических и синтаксических полонизмов.

Спорным, по мнению П. П. Плюща, является употребление в работе термина «основоположник литературного языка» по отношению и к И. П. Котляревскому, и к Т. Г. Шевченко. Первым, кто начал писать на народном языке, был все же И. П. Котляревский; поэтому его по праву можно считать «зачинателем» нового литературного языка, закрепив за Т. Г. Шевченко определение «основоположник». Определение «зачинатель», исторически правильно характеризующее роль И. П. Котляревского в развитии украинского языка, нельзя отбрасывать лишь на том основании, что оно употреблялось буржуазно-националистическими историками литературы и языка.

Вызвало сомнение у П. П. Плюща также употребление в работе выражений «исторический период» и «доисторический период», от которых отказывается в настоящее

время историческая наука. Нельзя согласиться, по мнению П. П. Плюща, с тем, чтобы в научной работе фигурировали в качестве терминов слова «икавцы», «ыканцы».

Преподаватель украинского языка Н. Ф. Наконечный (Харьков) обратил внимание на некоторые неточности в характеристике фонетических и морфологических черт полтавско-киевского диалекта, а также на неполноту их освещения в работе. Н. Ф. Наконечный считает неправильным рассматривать некоторые параллельные формы в полтавско-киевском диалекте (например, наличие окончания *-у* рядом с более распространенными *-ові, -еві* в дательном падеже имен существительных мужского рода II склонения) как заимствования из северного наречия. Эти формы присущи самому полтавско-киевскому диалекту.

Оперируя значительным фактическим материалом, собранным во многих селах Полтавской области, Н. Ф. Наконечный внес поправки, касающиеся данных лингвистической географии, и, в частности, обратил внимание на необходимость более точного определения границы распространения форм типа *хоче* и *ходить*; он отметил также, что формы 3-го лица единственного числа на *-ить*, по всей вероятности, принадлежали полтавскому говору времен И. П. Котляревского, и только позже территория их распространения сузилась.

Касаясь общетеоретических вопросов, Н. Ф. Наконечный указал, что он не может принять положение о возможности формирования литературного языка одновременно на основе нескольких диалектов или на основе койне.

Доктор филол. наук И. К. Белодед предложил расчленить употребляемый Л. А. Булаховским термин «украинско-белорусский литературный язык» и говорить об этих языках раздельно для каждого определенного исторического периода, подчеркивая при этом общие для обоих языков черты. Необходимо также, замечает И. К. Белодед, освещая вопрос о постепенном формировании в XII—XIII вв. характерных особенностей будущего украинского языка, упомянуть параллельно и о формировании черт русского языка. И. К. Белодед предложил подробнее и более дифференцированно охарактеризовать украинский литературный язык XVIII в., уделив больше внимания вопросу о стилях и жанрах, тесно связанных с народно-разговорным языком. Кроме того, И. К. Белодед отметил, что книга требует некоторого композиционного усовершенствования.

Канд. истор. наук К. Г. Гуслистый остановился на вопросах, касающихся исторического аспекта работы. Новая историческая литература («Очерки по истории СССР», т. I—II, «История Украинской ССР», т. I), партийные документы, опубликованные к 300-летию воссоединения Украины с Россией, сказал К. Г. Гуслистый, помогут Л. А. Булаховскому ввести ясность в вопрос об этническом составе Киевской Руси. Нельзя говорить о существовании восточнославянских племен в период Киевской Руси (на этом останавливался в своем выступлении и П. П. Плющ), ибо в то время уже произошло их слияние в единую древнерусскую народность. Следовательно, необходимо ввести в работу материал о древнерусском языке.

Большую часть своего выступления К. Г. Гуслистый посвятил вопросу об историко-экономических условиях формирования русской и украинской наций. Ссылаясь на доводы большинства историков, К. Г. Гуслистый подчеркнул, что время окончательного формирования русской и украинской наций необходимо датировать второй половиной XIX века. К. Г. Гуслистый привел более полные данные, чем имеющиеся в работе Л. А. Булаховского, об употреблении терминов «Украина», «украинский народ» (исторические памятники, исторические песни и думы), «Русь», «малороссы», «великороссы» и др.

В работе, отметил К. Г. Гуслистый, заметна недооценка попыток приблизить книжный язык XVI—XVII вв. к народному языку. Нельзя объяснять введение элементов народного языка в интермедии Я. Гаватовича лишь желанием автора насмешить зрителей. Как известно, цель перевода Пересопницкого евангелия была сформулирована вполне определенно — дать народу книгу, написанную понятным языком. В этом плане следует рассматривать и другие попытки приблизить книжный язык XVI—XVII вв. к народному.

К. Г. Гуслистый высказал пожелание, чтобы автор монографии уделит больше внимания характеристике литературного языка XVII в., причем подробнее осветил значение воссоединения Украины с Россией в 1654 г. для развития и обогащения украинского литературного языка.

Науч. сотр. Института истории АН УССР А. А. Бевзо указал, что работа Л. А. Булаховского, представляющая по своей композиции ряд научных очерков, освещающих вопросы происхождения и развития украинского языка, является ценной книгой не только для языковедов, но и для представителей других общественных наук. В связи с этим следует несколько упростить стиль изложения специальных филологических вопросов, сделать их анализ более доступным. А. А. Бевзо обратился к сотрудникам Института языкознания с призывом более активно включиться в дело издания и комментирования исторических памятников, завершить начатую Институтом и пре-

рванную, в последние годы работу по созданию исторического словаря украинского языка.

В заключительном слове Л. А. Булаховский поблагодарил участников обсуждения за ценные замечания и советы. Подчеркнув, что работа была закончена около двух лет назад и в ней еще не нашли соответствующего отражения научные данные исследований последнего времени, Л. А. Булаховский остановился на принципиальных вопросах, вызвавших дискуссию.

1. Л. А. Булаховский отметил, что такое знаменательное событие, как празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией, появление новых трудов по истории и постановлений ЦК Коммунистической партии, связанных с этой датой, поможет ему уточнить вопрос о времени формирования украинской нации.

2. Новые материалы, полученные в последние годы диалектологами, изучающими полтавско-киевский диалект, будут соответствующим образом учтены и использованы в работе. Обсуждение вопросов диалектологии, отметил Л. А. Булаховский, вскрыло значительные пробелы в изучении именно полтавских говоров.

3. Вопрос о белорусско-украинских языковых связях нельзя решать лишь на основании квалификации отдельных зафиксированных памятниками черт, не учитывая их совокупности. Кроме того, при обсуждении вопросов истории языка необходимо помнить, что, решая их, приходится больше оперировать вероятностями, чем вполне достоверными фактами. Л. А. Булаховский указал, что А. С. Мельничук ошибочно приписывает ему трактовку некоторых фонетических явлений, в то время как речь идет о положениях, высказанных А. А. Шахматовым. Автор считает их правильными и только уточняет, развивает их.

4. Как неверна концепция возникновения литературных языков на основе простого смещения разнотипных говоров, сказал Л. А. Булаховский, так неправильно и высказанное Н. Ф. Наконечным мнение о том, будто в основе формирующегося литературного языка обязательно лежит только один диалект. Фактически, несомненно, имеет место заимствование известного количества черт из других диалектов; особенно, если это диалекты, связанные в своем развитии с влиятельными в экономическом и политическом отношении центрами.

Л. А. Булаховский подчеркнул, что, по его глубокому убеждению, язык фольклора как исключительно жанровый может питать художественную литературу (особенно творчество отдельных писателей), но основой литературного языка в целом он нигде в истории литературных языков не был.

Л. А. Булаховский отвел также упрек, будто в его книге не освещены взгляды М. А. Максимовича, А. А. Потебни и А. Е. Крымского. Рассмотрение их нашло место в работе, но не в историческом аспекте, а при анализе отдельных вопросов.

Ученый совет Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР одобрил работу Л. А. Булаховского «Вопросы происхождения украинского языка» к печати и рекомендовал автору использовать критические замечания при окончательной редакции текста монографии.

Л. Г. Скрипник